

Николай

МОСКОВСКАЯ

ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК

К-9, ул. Горького, д. 5/6.

Телефон Б 9-51-61

30.04-1964

Вырезка из газеты

30 июля 1964

СОВЕТСКАЯ

БЕЛОРУССИЯ

ОТ

г. Минск

Газета №

ЛЮДИ ИСКУССТВА

БИТВА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Когда дотошные журналисты непременно хотят выяснить у актера Николая Еременко, давно ли пришло к нему его призвание, он отвечает со своей особенной, серьезной улыбкой:

— Давно ли? Как раз вовремя...

И уже значительно позже, когда вы хорошо узнаете его, когда позади останутся часы долгих и откровенных бесед с ним, когда выкристаллизуется то, что зaronили в вас созданные им на сцене и экране герои, проявится смысл этого шутивого и серьезного ответа на ваш репортерский вопрос. И станет понятно, что вовремя—это значит на том жизненном рубеже, когда человеку уже есть что сказать людям и когда молчание становится тягостным для того, кто никогда не обладал величайшим сокровищем хладнокровных — короткой памятью.

Ведь когда художник обращается к людям, это всегда означает, что он не может и не хочет унести с собой все увиденное и осознанное в этом мире. Это значит, что он стремится научить людей своей любви и своей ненависти. Это значит еще и то, что он почувствовал в себе силы и умение рассказать нам о наблюдениях ума и заметах сердца языком, подвластным ему, языком искусства.

Просто знать — это для художника еще очень мало. Можно знать великое множество вещей полезных и нужных, можно встретить за свою жизнь тысячи людей с тысячами разнообразнейших и ярчайших биографий, можно исколесить землю вдоль и поперек, почтить своим присутствием величайшие события эпохи, и все-таки не ощутить ничего, кроме усталости бесстрастного свидетеля или умиротворенности любознательной души.

Но если ты не можешь уснуть

спокойно, пока толпятся в памяти образы невоспетых героев, пока давит тебе на сердце тяжесть неведанных людям тревог и кружит голову хмель неразделенной с ними радости, — это значит, что в тебе живет художник. И он будет томить и мучить тебя до тех пор, пока ты не дашь ему выговориться, пока ты не найдешь для него наилучшего средства общения с миром.

А он не мог спокойно засыпать уже давно. И во сне он видел то, что долго не давало ему уснуть с вечера. Прошлое неотступно следовало за ним по пятам, жарко дышало в затылок: не забыл ли, не успокоился? Но он ничего не забывал и не искал покоя в забвении.

Когда-то, еще совсем мальчишкой, родившимся в двадцатых годах двадцатого столетия, он был уверен, что битвы происходят только там, где гремят орудия и свистят пули. И, подобно многим мальчишкам тех времен, жестоко сокрушался, что недостаточно вырос для войны в Испании, а ведь где, как не на войне, рождаются истинные герои.

Не знал он тогда, что доведется и ему собственными глазами увидеть, как и какими дорогами ходят по войне мужество и верность, какими потаенными звериными тропами пробиваются по ней трусость и измена.

Детские, мальчишеские мечты о грозных битвах, выковывывающих в своем жарком горниле героев, могли бы вспомниться младшему лейтенанту Еременко, когда его, раненого в боях на Калининском фронте, на руках выносили из окружения оставшиеся в живых товарищи. Но было ему тогда не до воспоминаний: воспаленная рана вымотала все силы, а путь лежал сквозь сокрушительную июльскую жару сорок второго тяжкого года войны.

Были ли они героями, эти ребята, по очереди несшие его, хотя сами еле передвигали ноги? Наверно, каждый из них был бы удивлен, спроси его об этом: никому из них и в голову не приходило, что можно поступить иначе. Они были людьми, товарищами и поступали, как люди, как товарищи. А тот, кого они встретили на пути, с кем поделились последней махоркой и успокоенные чьими уверениями, что немцев нигде поблизости нет, уснули до ночи в поле, с виду вовсе не походил на зверя, а поступил, как зверь. Приведенные им враги взяли их всех, вырвав из тяжелого, полного кошмаров сна.

Самое жуткое, что придумано про ад и адские муки, представлялось не более чем слабым любительским спектаклем по сравнению с той реальной действительностью, имя которой — плен, фашистский плен. Естественно, что подлинная сущность человека обнажалась здесь, где каждый на виду у всех, с такой суровой ясностью, которую не всякая, даже бывалая душа в состоянии вынести. А он ведь только-только вступал в самостоятельную жизнь...

Слепая ненависть не лучше слепой любви. Он не питал такой ненависти к стране, искалечившей землю вой-

ной. Он не испытывал слепой ненависти к ее народу. Но тем сильнее крепло в нем упорство к борьбе, чем отчетливее вырисовывалось перед ним лицо врага.

Он закончил войну с оружием в руках. Тем тягостнее и горше показалось ему ощущение собственной безоружности, когда война закончилась и солдаты вернулись к мирной жизни. У него это не было просто чувством житейской неустroенности, которое неизбежно испытывает вернувшийся с войны молодой солдат, не успевший приобрести мирной профессии. Отчасти, конечно, и это. Но с такой бедой справиться было несложно. Мучило совсем другое ощущение «демобилизированности»: он не мог молчать о пережитом. Не потому вовсе, что так уж болели его собственные раны, так уж не терпелось поведать о них людям. Ему не терпелось поведать людям не о себе, а о той страшной беде, которую несет с собой фашизм, о героизме его противников и низости его слуг.

Он пробовал писать о них. О людях и зверях. О тех, кого любил и кого ненавидел. Пробовал писать стихи и прозу. И сам видел, чувствовал, как беспомощны его попытки: видно, он не родился ни поэтом, ни писателем. Но все те люди, о которых он знал, все события, которые прокатились с огнем и болью через его юность и его душу,—они не могли остаться всего лишь содержимым памяти. Ведь, подобно тому, как натянута тетива хранит силу мускулов стрелка, так наше настоящее хранит в себе память о прошлом. Стоит забыть о нем, расслабить мускулы, и стрела упадет на землю, не изведав радости полета, не достигнув цели.

Впервые увидев зрительный зал со сцены, почувствовав его теплое дыхание, он замер от мгновенного предчувствия: а вдруг это и есть его поле битвы и его оружие — сцена и слово актера? Но как всякое случайное открытие, оно долго еще не становилось для него уверенностью. Ему тогда попросту не пришлось в голову, что открытие не перестает быть открытием оттого, что его сделали случайно. Да и случайно ли? Ведь он искал именно этого—наилучшего для себя способа общения с людьми, которым собирался сказать свое слово, вынесенное из нелегкой жизни.

Позже его увидел на самодеятельной сцене народный артист Александр Ильинский. Это уже был не просто благодарный зритель, чуткий к искреннему слову, живо отличающий правду от правдоподобия, это был большой, серьезный знаток театра, глубокий мастер, чутье которого уже давно не обманывало ни его самого, ни других. От его похвалы надежда становилась верой и, поступая в студию театра имени Якуба Коласа, Николай Еременко уже не сомневался в единственности своего случайно найденного пути. Вот вам и ответ на вопрос о том, давно ли пришло к нему призвание. Оно, действительно, пришло как раз вовремя.

Теперь любая роль, к которой он

приступал, становилась поводом для того разговора с людьми, который он уже давно вел с ними бессонными ночами. Он хотел рассказать людям о любви к Родине, сильнее которой нет на свете, и становился революционером Инсаровым. Он хотел воспеть высоту чистой, не знающей лжи и компромисса души, и выходил на сцену Бахиревым.

Казалось бы, и об этом его часто спрашивали и спрашивают до сих пор, всех ближе должен оказаться ему лейтенант Павлов из кинофильма «Люди и звери». Но ведь, если вдуматься, в любой своей роли настоящий актер всегда играет самого себя, то есть утверждает или отрицает то начало, которое заложено в образе. Разве не так? Что же касается географических и житейских путей лейтенанта Павлова, то они в крайне малой степени совпадают с такими путями младшего лейтенанта Еременко.

И еще одно обстоятельство заставляет иных подозревать актера в измене театру: ведь кинематограф намного увеличивает его зал. Однако стоит только спросить об этом Еременко, и подозрения исчезнут.

— Разве изменяют настоящей любви? — ответит он вопросом на вопрос.

Это верно, что кино увеличивает зал. Верно и то, что работа в кино ему нравится, что он сыграл в нем уже несколько ролей, а последняя его работа в белорусском фильме «Москва — Гелуя» по-особому радовала и волновала. Очевидно, он и в будущем еще не раз подружится с кино, не раз еще мы увидим на экране знакомое лицо лейтенанта Павлова, отмеченное тем неброским сдержанным мужеством, которое особенно привлекает в нем. Все это верно, но...

Если в жизни вам довелось повстречать настоящую любовь, вы не измените ей никогда. Такой любовью стал для него театр. На всю жизнь. Наверно, поэтому и любимой своей ролью он считает роль Инсарова. Не только потому, что этот образ бунтаря воплотил в себе самую высокую страсть человеческой души — любовь к родине, но еще и потому, что это его первая роль в театре, первое слово, которое он обратил к людям и на которое получил от них горячий, живой отклик. Такого не забывают и такому не изменяют.

Не забыл своего первого выхода на сцену заслуженный артист БССР Николай Николаевич Еременко, один из ведущих актеров Белорусского академического театра имени Янки Купалы. И то далекое, мгновенное предчувствие, ставшее впоследствии твердой верой, по-прежнему живо в его памяти. И сознание продолжающейся битвы, и свое в ней неизменное участие, и исполненный долг бойца, не забывающего прошлых битв, чтобы упорнее идти к победе, — все это делает его любовь к театру трудной, мучительной и прекрасной, какой только и может быть настоящая любовь.

Ирина КЛИМАШЕВСКАЯ.